

МЕРЕДИТ МАРАН

Зачем мы пишем?

Известные писатели
о своей профессии

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Эту книгу хорошо дополняют:

**Спасите котика!
И другие секреты сценарного мастерства**
Блейк Снайдер

**Птица за птицей.
Заметки о писательстве и жизни в целом**
Энн Ламотт

**Секреты великих писателей.
Учитесь у Чехова, Толстого, Диккенса,
Хемингуэя и многих других**
Юрген Вольф

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

EDITED BY MEREDITH MARAN

WHY WE WRITE

20 ACCLAIMED AUTHORS
ON HOW AND WHY THEY
DO WHAT THEY DO

Plume Book

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

МЕРЕДИТ МАРАН

ЗАЧЕМ МЫ ПИШЕМ

ИЗВЕСТНЫЕ ПИСАТЕЛИ
О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

Перевод с английского Екатерины Козловой

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 808.1
ББК 83.02
М25

Издано с разрешения Plume, a division of Penguin Group (USA) LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg

На русском языке публикуется впервые

Маран, М.

М25 Зачем мы пишем: известные писатели о своей профессии /
Меридит Маран ; пер. с англ. Е. Козловой. — М. : Манн, Иванов
и Фербер, 2014. — 272 с.

ISBN 978-5-00057-203-0

В этой книге собраны истории 20 признанных во всем мире авторов. Они делятся советами и секретами писательского ремесла, рассказывают о том, что они любят в своей профессии, а что — нет. Книга дает ответы на многие вопросы о работе писателя, в том числе и на главный — зачем и как авторы пишут.

УДК 808.1
ББК 83.02

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме без
письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает
юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978-5-00057-203-0

©Meredith Maran, 2013

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form. This edition
is published by arrangement with Plume, a member
of Penguin Group (USA) LLC, a Random House Company

©Перевод на русский язык, издание на русском языке,
оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	10
ГЛАВА 1	
ИСАБЕЛЬ АЛЬЕНДЕ	21
ГЛАВА 2	
ДЭВИД БАЛДАЧЧИ	33
ГЛАВА 3	
СЬЮ ГРАФТОН	45
ГЛАВА 4	
САРА ГРУЭН	56
ГЛАВА 5	
ДЖЕННИФЕР ИГАН	67
ГЛАВА 6	
МЭРИ КАРР	79
ГЛАВА 7	
МАЙКЛ ЛЬЮИС	89
ГЛАВА 8	
ТЕРРИ МАКМИЛЛАН	102
ГЛАВА 9	
АМИСТЕД МОПИН	113
ГЛАВА 10	
УОЛТЕР МОСЛИ	125
ГЛАВА 11	
РИК МУДИ	136

ГЛАВА 12	
СЬЮЗАН ОРЛИН	145
ГЛАВА 13	
ДЖОДИ ПИКОЛТ	157
ГЛАВА 14	
ЭНН ПЭТЧЕТТ	167
ГЛАВА 15	
ДЖЕЙН СМАЙЛИ	177
ГЛАВА 16	
МЭГ УОЛИТЦЕР	189
ГЛАВА 17	
ДЖЕЙМС ФРЭЙ	201
ГЛАВА 18	
КЭТРИН ХАРРИСОН	213
ГЛАВА 19	
ГИШ ЧЖЕНЬ	225
ГЛАВА 20	
СЕБАСТЬЯН ЮНГЕР	236
БЛАГОДАРНОСТИ	248
ОБ АВТОРЕ	250

*Тем, кто читает, пишет, издает, распространяет
и продает книги, и тем, кто их просто любит*

*В память о Франсуазе Саган — благодаря ей
я стала любить, читать и писать книги*

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Введение

Почему люди едят? Вопрос, который задает себе каждый едящий человек, сидящий перед экраном и впадающий глазами в ненавистный курсор. Причем задает не только в такие моменты, но и в другие минуты жизни тоже.

Когда работа идет полным ходом и под бдительным взглядом музы руки взмывают над клавиатурой — тогда окрыленный вдохновением автор, прерываясь на первый глоток остывшего, приготовленного еще утром кофе, в восхищенном недоумении восклицает: «Какое счастье мне дано — заниматься таким делом!»

Но за мгновениями восторга обязательно следуют далеко не радужные минуты, и тянутся они не только днями, но неделями и даже годами. Когда травмированная тяжким трудом муза покидает своего писателя, мучительно вязнущего в зыбучих песках творчества, а всякое слово, выходящее из-под пера или выползающее из принтера, оказывается совсем не тем, не тем и не тем — вот тогда автор с возмущением взывает к небу: «За что мне все это?!»

В любом случае такое явление любопытно. Действительно, почему одни становятся нейрохирургами, стоматологами-гигиенистами, инвестиционными банкирами, а другие выбирают профессию, сулящую бедность, недопонимание со стороны внешнего мира и вечное сомнение в себе? Для чего разумные во всем остальном люди каждое утро — а встают они очень

рано, часто до восхода солнца, до того, как проснутся домохозяйцы и наступит время приниматься за каждодневные дела, — добровольно загоняют себя в клетку?

Может быть, все дело в чувстве торжества при виде собственных слов, напечатанных в книге? Однако, судя по имеющимся данным, отнюдь не это становится побудительным мотивом, поскольку в Америке ожидают или ищут своего издателя более миллиона рукописей, а одобрен будет один процент. Вряд ли следует принимать в расчет и чувство удовлетворения от отлично завершенной работы. «Книгу невозможно закончить. Ее можно только оборвать», — так считал бессмертный острослов Оскар Уайльд. Сразу исключаем материальную заинтересованность — прибыль приносят лишь тридцать процентов опубликованных книг. Безусловно, речь не идет ни о самомнении, ни о самоутверждении. К писателям вполне можно отнести слова Чарли Чаплина, сказавшего об актерах, что они нуждаются в критике, а если не подвергаются ей, то начинают заниматься самоанализом.

Итак, почему все-таки *кто-то* выбирает литературный труд? Не каждый человек обучен проводить профессиональную профилактику полости рта, делать операции на мозге или совершать сделки с ценными бумагами, но *любой* может, вооружившись листом бумаги, блокнотом или ноутбуком, написать стихотворение, рассказ или воспоминания. Надо сказать, так поступают очень многие, невзирая на все трудности, стоящие на пути к достижению цели. Мы ведем дневники, создаем романы, ходим на занятия по писательскому мастерству. Мы жадно читаем, восхищаемся отдельными фразами и героями, приходим в изумление от закрученного сюжета. Мы принимаем все, что дают нам наши любимые авторы, и все время спрашиваем себя: «Как они это делают? И *почему?*»

С самого раннего детства, возможно, лет с пяти-шести, я знал, что, когда вырасту, обязательно стану

писателем. Лет с семнадцати и до двадцати четырех я пытался отказаться от этой мысли, хотя всегда сознавал, что изменяю своему подлинному призванию и что рано или поздно мне придется сесть и начать писать книги.*

Такими словами Джордж Оруэлл начинает свое эссе 1946 года «Почему я пишу» (Why I Write) и далее приводит «четыре основных мотива, заставляющих писать».

1. Чистый эгоизм. Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве, и т. д. и т. п.
2. Эстетический экстаз. Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации. Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.
3. Исторический импульс. Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.
4. Политическая цель. Ведь даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией**.

Тридцать лет спустя на страницах New York Times Book Review к этой теме обратилась Джоан Дидион***:

* Оруэлл Дж. Почему я пишу? / пер. с англ. В. Мисюченко // Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Т. 2. Эссе, статьи, рецензии. Пермь : Ка-пик, 1992. С. 7. Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

** Там же.

*** Джоан Дидион (1934) — американская писательница, журналист.

Я пишу, чтобы узнать, о чем я думаю, на что смотрю, что я вижу, и что это значит. Во многом писательство — это способ выразить свое «я», заявить о себе людям, сказать им: «Слушайте меня, взгляните моими глазами, измените свою точку зрения». Это агрессивный, даже враждебный акт.

Записывать слова на бумаге — это тактика тайного головореза, который вторгается в чужое личное пространство, навязывая читателю свое, авторское восприятие. И закрыть глаза на сей факт невозможно.

Прошло еще двадцать пять лет, и в 2001 году, теперь в журнале Northern Lights, снова вернулись к вопросу «Зачем люди пишут книги?» Писательница, защитница природы и на удивление уравновешенный человек Терри Темпест Уильямс ответила так:

Я пишу, чтобы примириться с вещами, которые мне неподвластны. Я пишу, чтобы придать красок миру, часто оказывающимся либо черным, либо белым. Я пишу ради открытий. Я пишу, чтобы срывать покровы. Я пишу, чтобы взглянуть в лицо своим демонам. Я пишу, чтобы начать диалог. Я пишу, чтобы представить себе мир иначе, и возможно, тогда он изменится.

Мне лично литературная деятельность помогает отвечать на собственные вопросы.

Итак, руководствуясь личными потребностями, я составила список авторов, которых мне было бы интересно привлечь для работы над этой книгой. При отборе я опиралась на вполне определенные факторы. Я хотела побеседовать с представителями не только разных полов, рас и возрастов, но и жанров, то есть с авторами, обладающими разным жизненным и писательским опытом. Я остановила свой выбор на тех, кто, преодолев все препятствия, преуспел не только в художественном,

но и в коммерческом плане, кто объяснит мне, что такое творческий порыв. Мне было важно услышать мнение людей, добившихся признания и сумевших удовлетворить собственные амбиции, при этом не важно, чем они руководствовались, когда прокладывали себе путь к успеху: желанием разбогатеть, прославиться, доказать издателю, что их творения достойны публикаций, показать матери, ушедшему мужу или бывшему начальнику, как те ошибались в своих оценках. Выбранные мною писатели уже завоевали широкую популярность, и каждому из них удалось все перечисленное мною выше.

Авторы, рассказавшие о себе — «двадцатка», как я их называю, — написали книги, которые продаются такими тиражами, что издатели шлют им цветы, преподносят первые издания в кожаных переплетах, но самое главное — предлагают новые контракты. Они принадлежат той когорте писателей, чьи произведения уважаемые критики и знаменитые печатные издания регулярно восхваляют, порой осуждают, но практически никогда не игнорируют. Их голоса и лица известны всем, кто смотрит передачу Good Morning America («Доброе утро, Америка») и слушает ток-шоу Fresh Air («Свежий воздух»). В мире миллионы и даже миллиарды фанатов читают каждую выпущенную ими книгу.

Другими словами, эти двадцать писателей обладают именно тем, что хочет иметь каждый автор: полной свободой творчества и уверенностью в завтрашнем дне.

Примерно так и было задумано.

* * *

Я публиковала стихи и статьи уже во времена Эйзенхауэра; писала книги и рецензии с тех пор, как Никсон махнул на прощание своему народу*. Десятилетиями выполняя различные

* Дуайт Эйзенхауэр — 34-й президент США (1953–1961); Ричард Никсон — 37-й президент США (1969–1974).

редакционные задания, я давно уяснила, насколько тяжело добиться положительного ответа от писателей, уставших от всеобщего внимания средств массовой информации, — вроде тех, кого я отобрала для своей книги. Обычно их агенты, секретари, телохранители и вышибалы — все личное окружение — постоянно внушают мысль о невозможности достучаться до персон, включенных в *круг избранных*. Сколько раз мне приходилось выслушивать о количестве просьб, ежедневно ими отклоняемых. Поэтому я заранее представляла, с чем придется столкнуться, пока сумею убедить этих знаменитостей встретиться со мной.

Тогда я спросила себя: что поможет убедить «двадцатку» дать интервью для книги?

И поняла — общая преданность литературе... и участие организации, которая поддерживает творчество авторов.

Некоммерческое общество 826 National подходит идеально. Этот новаторский литературный проект предназначен для творческой молодежи. Общество было основано харизматичным писателем Дэйвом Эггерсом в 2002 году в Сан-Франциско; сегодня у него есть свои филиалы в Бостоне, Чикаго, Вашингтоне, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Сиэтле и Ипсиланти. Каждое местное отделение нашло приют в каком-нибудь причудливом магазинчике с не менее странным названием (чикагский «Скучный магазин», вашингтонский «Музей противоестественной истории»); там проводят вечерние занятия, устраивают летние лагеря и организуют помощь школьным учителям. И все делается бесплатно.

Я встретила с этими замечательными людьми, и мы решили, что часть дохода от будущей книги пойдет на их программы, достойные всемерного уважения. После чего я начала звонить «своим» писателям. Меня ожидало приятное открытие, обернувшееся в дальнейшем счастливой совместной работой: согласился каждый из «двадцатки» — от Альенде до Уолитцер. Кто-то сказал, что хотел бы поддержать

826 National. Однако многих заставил откликнуться мой вопрос «Зачем вы пишете?» — они заявили, что их никогда о таком не спрашивали. Оказалось, писателям было бы интересно обсудить это в той же мере, как и мне было любопытно услышать их ответы.

Рик Муди:

Всякий раз, когда я пишу, или, точнее, когда уже написал, я чувствую себя просто по-человечески лучше и умиротвореннее.

Мэг Уолитцер:

Вы получаете абсолютную власть — где еще вы найдете такую возможность? В реальной жизни вы не вольны управлять чужими судьбами, не можете отвечать за личные отношения, вы даже не в состоянии наладить контакт с собственными детьми. Но вы начинаете писать — и на долгое время становитесь тем, кто полностью берет ответственность на себя.

Сью Графтон:

Больше всего я люблю то время, когда работа идет хорошо и я полностью погружаюсь в текст, — это может случиться в любой день или даже отдельный момент. Самое тяжелое время — если не пишется и я не поглощена своей работой. Второе происходит чаще, чем первое. Но я еще тот тип — очень упертая и никогда не сдаюсь.

Уолтера Мосли мой вопрос заставил задуматься:

Не могу даже представить причины, чтобы не писать. Правда, одна могла бы быть... Предположим, мои книги

не пользовались бы спросом... Хотя, если подумать, меня это не остановит. Я все равно буду писать.

Потом я попросила писателей поделиться самыми неприятными моментами, которые встречаются в их литературной жизни.

Майкл Льюис:

Во время работы над книгой я обычно впадаю в крайне возбужденное состояние. Нарушается сон. Мне постоянно снится мой текст... Я полностью живу только своей книгой, меня просто нет в реальной жизни — и так бывает месяцами. Расплачиваются жена и дети. Они платят слишком высокую цену за каждую книгу. К счастью, я свободный писатель и волен брать большую паузу, прежде чем приступить к следующей работе. Благодаря этому у меня все еще есть семья.

Исабель Альенде грустно покачала головой, как всегда, безупречно уложенной:

Все книги я начинаю восьмого января. Вы даже не представляете, что такое для меня седьмое января... Это ад...

Подхожу к компьютеру и просто стою перед ним. Подхожу и стою, потом снова подхожу и стою — и так до тех пор, пока не обнаружится присутствие музыки.

Дженнифер Иган, автор известных романов, обладательница Пулитцеровской премии, призналась, что перед каждой новой книгой ее терзают сомнения и страхи:

...Страшно тратить время и вкладывать силы в замысел, который пока не имеет четких очертаний, — даже

жанр еще не определен. Страшно, что моя работа окажется невостребованной. ...Всякий раз боюсь услышать от издателей: «Мы не можем взять такую дикую прозу». Но что еще страшнее — они примут мою книгу, она увидит свет и не оставит в нем никакого следа.

Дэвид Балдаччи был краток:

Чтобы получить шанс опубликовать что-то в New Yorker, мне следовало написать на титульном листе «Джером Сэлинджер».

Больше всего меня удивили ответы писателей на важнейший вопрос интервью: «Какой момент в вашем литературном труде самый лучший?» Почему-то он оказался для них слишком каверзным. Я думала, что буду наслаждаться рассказами о минутах славы: как вручали Пулитцеровскую премию; почему Национальный фонд поддержки искусств обратил внимание и наделил большим грантом; как проходили чтения в Белом доме; сколько недель продержался роман в списке бестселлеров. Я на самом деле ожидала услышать о тех сокровищах, обладать которыми надеется каждый еще не столь прославленный автор — если, конечно, сможет пережить страшные приступы зависти. Поэтому меня так поразило, что лишь некоторые из названных «двадцаткой» лучших моментов были связаны с деньгами, славой или признанием критиков.

Джейн Смайли буквально светилась, вспоминая свои счастливые минуты:

Когда я работала над третьим романом, это было лучшее время за всю мою писательскую судьбу. Словно моей рукой кто-то водил извне. Казалось, будто персонажи использовали меня как секретаря, записывающего за ними их истории.

Себастьян Юнгер не упомянул ни про успешные продажи, ни про контракты на съемки фильма:

Я приехал в Сараево в 1993 году с группой независимых журналистов, чтобы освещать происходящие там страшные события. За три недели я прошел путь от официанта до военного корреспондента. Ничто не сравнится с чувством, которое испытываешь, когда впервые видишь напечатанным свое имя.

Гиш Чжень, урожденная Лиллиан Чжень, назвала своим лучшим моментом тот, когда взяла псевдоним:

Лиллиан была милой китайской девочкой. Гиш уже не так мила и послушна. Гиш стала той, кто открывает мне дверь, когда я возвращаюсь ночью в общежитие колледжа... Будучи Гиш, я обрела свободу, которой Лиллиан не знала. Свобода пришла, когда я начала писать.

Каждому писателю из «двадцатки» отводится отдельная глава, в центре внимания которой — ответ на вопрос, вынесенный в название нашей книги. Сюжет о писателе построен следующим образом: его предваряет цитата из последнего произведения автора, далее следуют несколько вступительных фраз; отдельным блоком даются биографические данные и список основных работ — все это в общих чертах показывает как личные, так и профессиональные основные достижения писателя.

Я создавала эту книгу со вполне определенным намерением: донести до всех, что читать — хорошо, но писать — еще лучше. Поэтому каждую главу завершают краткие практические рекомендации наших писателей. Прислушаться к их советам будет крайне полезно любым авторам: и начинающим, и опытным, и работающим в разных жанрах; людям разных полов, возрастов, национальностей, с разным жизненным опытом.

Главы книги названы по фамилиям «двадцатки» и расположены в алфавитном порядке. Сознательно используя такой прием, я лишь хотела подчеркнуть один из основных посылов книги: все писатели равны — различия в социальном и материальном положении намного менее значительны, чем объединяющий их творческий дух.

Я приношу дань восхищения всем авторам мира и той силе, что заставляет их писать. Каждый из двадцати писателей, воплотивших в своем творчестве дух, присущий всему литературному содружеству, поделился с читателем не только частицей собственной души, но и пожертвовал довольно большую часть вознаграждения некоммерческому обществу 826 National. А это означает одно: еще какое-то количество юных американцев полюбят читать книги и приобщатся к сочинительству. Я надеюсь, что и наш читатель не только укрепит, но и преумножит свою преданность печатному слову и литературному труду.

Я приношу дань уважения двум удивительным людям: своему агенту и своему редактору. Я воздаю должное всем, кто причастен к созданию книги: литературным агентам, редакционным секретарям, художественным руководителям, оформителям, иллюстраторам, литературным редакторам, корректорам, технологам, наборщикам, работникам типографий, специалистам по рекламе и маркетингу, распространителям, литературным критикам и обозревателям, блогерам и книготорговцам. И конечно, я преклоняюсь перед писателями — всеми разом; перед теми, кто вынужден приспособливаться к слишком изменчивым обстоятельствам и в жизни, и в работе; кто умеет одновременно смотреть в зеркало заднего вида и видеть дорогу впереди; чьи книги любит и ждет читатель, чье слово достигает каждого человека.